

«Psalm» Пауля Целана в русских переводах

А. Третьякова

ТРИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена анализу перевода поэзии Пауля Целана на русский язык. В первой части дается краткий хронологический очерк переводов (1960–2010-е гг.), в котором рассмотрены ранние переводы, зачастую установленные на максимальную близость к поэтическому слову Осипа Мандельштама. Далее предложен анализ стихотворения «Psalm», концентрирующийся на смысловом потенциале число-буквенных комбинаций. Наряду с этим исследованы два варианта перевода данного текста и выявлены основные стратегии, к которым прибегают переводчики при воссоздании амбивалентных возможностей интерпретации произведений Целана.

Ключевые слова: Пауль Целан, «Псалом», перевод, О. Седакова, А. Глазова.

УДК 82-1/29

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-69-92

Контактная информация: Третьякова Александра, Трирский университет (Universität Trier, FB II – Slavistik, Campus I, DM 125/6, D-54296 Trier, tretakov@uni-trier.de)

Осмысление творчества Пауля Целана началось в России сравнительно недавно. Вплоть до конца 1990-х гг. об одном из крупнейших поэтов вто-

Третьякова А. «Psalm» Пауля Целана в русских переводах // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 69–92.

рой половины XX в. известно только в узких литературных кругах. Борис Дубин описывает «не-достаток» Целана как «странное недобытие, призрачное полу-существование, осколочное, руинное на-три-четверти-отсутствие – немота объемом в поколение»¹. В 2005 г., во вступительной статье к обширной публикации переводов в «Иностранной литературе» Дубин утверждает необходимость «русского» Целана, упоминая «странное ощущение задолженности»: у страны «перед ним – не только особые права, но немалый долг. И, хотелось бы надеяться, сугубая заинтересованность: поэт такого трагедийного накала и гуманистического звучания нужен в России и, рискну сказать, соразмерен пережитому здесь людьми за XX век» [Литературный гид..., 2005, с. 205].

Переводить Целана на русский язык стали еще в середине шестидесятых, для многих – и надолго – это была работа «в стол» [Там же]. Впервые 5 переводов Целана как австрийского автора печатаются в 1967 г. в сборнике «Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина» (в переводе Г. Громана (Ратгауза) и Л. Гинзбурга). Тот факт, что дальнейшие 30 лет им мало интересовались, конечно, объясняется и советской цензурой, и идеологическими соображениями, и запретной тематикой Шоа. Помимо этого, в первых русских переводах строки Целана вообще трудно узнать – переводы дополнены чуждыми оригиналу метафорами, текст «оживлен», выглажена мелодия. Оживление (или, как этот феномен называет Ольга Седакова, – «оживляж»²) происходило зачастую за счет едва ли не прямых цитат из Мандельштама, как, например, в стихо-

---

¹ «Что через четверть века после целановской гибели у нас на руках? Несколько переложений “Фуги смерти” [...] и еще трех-четырёх вещей, погребённых в хронологических и страноведческих антологиях. Плюс глухие известия о переводах, которые где-то у кого-то когда-то то ли были на руках, то ли готовятся к публикации и уже который год вроде бы вот-вот выйдут. Плюс редкие машинописные следы попыток переложения, случаем донесённые из Израиля, Киева, Риги... Знаю, думает о Целане в Москве Ольга Седакова. Слышал, вспоминают о нем в Вене Елизавета Мнацаканова и Наталия Захаревич [...] Для, вероятно, крупнейшего и, несомненно, поворотного лирика второй половины уходящего века, поэта, спасшего – по несравненной характеристике современника – “честь языка”, согласитесь, странное недобытие, призрачное полу-существование, осколочное, руинное на-три-четверти-отсутствие – немота объемом в поколение» [Дубин, 1996, с. 184].

² «Мне хочется, чтобы мои переводы получались живыми – прежде всего, живыми на русском языке. Но достигать этой живости, перекраивая автора, мне бы никак не хотелось. Был такой переводческий термин “оживляж”: вставить словечко поглубей, метафору порезче. [...] Трудно передать спокойную, несуетливую живость. Можно сказать, не добавив к авторскому оркестру ударных или экзотических инструментов» [Седакова, 2010, с. 552].

творении 1952 г. «In Memoriam Paul Eluard» в переводе Г. Громана [Целан, 1967, с. 14]³.

³ См. также его перевод стихотворения «Augen» (1952) / «Очи» (1967) в том же сборнике (с. 16): звукопись текста, его череда ассонансов и аллитераций как будто вырезана из Мандельштамовских строк:

Augen:
schimmernd vom Regen, der strömte,
als Gott mir zu trinken befahl.

Augen:
Gold, das die Nacht in die Hände mir zählt
als ich Nesseln pflückt
und die Schatten der Sprüche reutet.

Augen:
Abend, der über mir aufglomm, als ich aufriß das Tor
und durchwintert vom Eis meiner Schläfen
durch die Weiler der Ewigkeit sprengt.

Очи,
в дождевом я вас помню сияньи, когда бог мне испить приказал.

Очи,
золотые монеты **ночные**,
я вас подобрал, срывая крапиву
и бродя под ветвями древних пословиц.

Очи,
вечер, мне засиявший, когда распахнул я ворота, и **увенчанный** снегом моих
древних висков, проскакал по владениям **вечности**.

Ср. Мандельштам (1993), (1994):

В черном бархате советской **ночи**, / В бархате всемирной пустоты, / Все поют
блаженных жен родные **очи** (1993, с. 266).

Вооруженный зреньем узких ос / Еще он помнит башмаков износ / Были **очи**
острее **точимой** косы (1994, с. 121).

Были **очи** острее **точимой** косы – / По зегзице в зенице и по капле росы (1994,
с. 122).

Вот оно, мое небо **ночное**,
Пред которым как мальчик стою, –
Холодеет спина, **очи** ноют,
Стенобитную твердь я ловлю.
И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глаз, –

In Memoriam Paul Eluard

Lege dem Toten **die Worte** ins Grab,
die er sprach, um zu leben.
Bette sein Haupt zwischen sie,
lass ihn fühlen
die Zungen der Sehnsucht,
die Zangen.

Leg auf die Lider des Toten **das Wort**,
das er jenem verweigert,
der du zu ihm sagte,
das Wort,
an dem das Blut seines Herzens vorbeisprang,
als eine Hand, so nackt wie die seine,
jenen, der du zu ihm sagte,
in die Blume der Zukunft knüpfte.

Leg ihm **dies Wort** auf die Lider:
vielleicht
tritt in sein Aug, das noch blau ist,
eine zweite, fremdere Bläue,
und jener, der du zu ihm sagte,
träumt mit ihm: Wir.

[Wiedemann, 2003, S. 48 f.]

Памяти Поля Элюара

Положи на могилу поэта **слова**,
те, что созданы ради жизни.
Положи их ему в изголовье,
пусть он почувствует снова
тиски страсти,
ее тоску.

Положи на глаза поэта **слова**,
он их больше не скажет
тому, кто был с ним на «ты»,
слова,
рожденные кровью аорты,
в час, когда голые руки
тех, кто был с ним на «ты»,
пригвоздили к деревьям грядущего.

Той же вечери новые раны,
Неоконченной росписи мгла (1994, с. 128).

Клятвы, **что**, по **чести**, / В конском топоте погибнуть / Мчатся **очи** вместе
(1994, с. 136).

Положи на глаза поэта **слова**,
и, быть может,
в них, еще синих,
иная блеснет синева,
и тот, кто был с ним на «ты»,
тихо вымолвит: «мы».

[Целан, 1967, с. 14]

Стихотворение написано в 1952 г., за день до похорон французского поэта Поля Элюара, который отказался выступить в защиту своего друга чешского историка-марксиста, теоретика сюрреализма, поэта и публициста Завиша Каландры. Он был арестован по обвинению в заговоре против республики и казнен 27 июня 1950 г. В оригинале «слова» поэта (*die Worte*), «созданные ради жизни» (*die er sprach, um zu leben*) в первой строфе стоят в оппозиции к тому одному «слову» (*das Wort*), которое поэт не пожелал сказать в защиту друга, – в переводе оппозиция полностью отсутствует. Появляются «слова, рожденные кровью *аорты*» – явный отголосок строк Мандельштама «За Паганини длиннопалым...» (1935): «Играй же на разрыв *аорты* / С кошачьей головой во рту».

Как известно, Целан открыл для себя Мандельштама во второй половине пятидесятых годов (1957)⁴, и именно он подарил немецкому читателю произведения «брата Осипа»⁵. Творчество и особенно поэтологические размышления Мандельштама оказали влияние на Целана⁶ и дали ему толчок к переосмыслению своей собственной поэтики [Шталь, 2016, с. 61]⁷.

⁴ Христина Иванович отмечает, что внимание Целана к поэтам Серебряного века, в том числе и к Мандельштаму, привлек филолог славист Эммануил Райс [Ivanovic, 1996, S. 130.]

⁵ В общей сложности он перевел 45 стихотворений, большинство из них датировано 1958/1959 г. (см: Natascha Timoschkowa: Ein Mandeltraum. Übersetzungskritische Untersuchungen zur Rolle Ossip Mandelstamms im dichterischen Gesamtwerk Paul Celans. Berlin. S. 159–294). Интересно, что, как вспоминает филолог Нина Павлова, Целан появился на советских букинистических полках уже в 1959 г., но не как поэт, а как переводчик Осипа Мандельштама, и скупался тот двуязычный сборник стихов «Нашедший подкову» вовсе не из-за Целана и его переводов, а именно из-за русских оригиналов (см. [Павлова, 2005, с. 299]).

⁶ Думается, что страшная участь Мандельштама, собрата поэта-еврея, пишущего по-русски (а судьбе человека / поэта / еврея Целан посвятил огромное множество произведений, «слово» и «религия» у него тесно переплетены) была для Целана в каком-то роде проекцией, возможным вариантом его собственной судьбы (см. [Белорусец, 2004, с. 165]). Слова Мандельштама он удостоверил своей поэзией и жизнью [Там же]. Мартин Брода, французская переводчица Целана, писала, что Мандельштам, хоть он и не мог этого знать, писал для Целана [Broda, 1988, S. 210]. О соприкосновении этих двух поэтов из фактически разных отрезков времени – Мандельштам умер, когда Целану только исполнилось 18 лет, – разных стран и культур (см. [Белорусец, 2004, с. 165]) уже много сказано и написано: и филоло-

Несмотря на это, следует отметить, что во время работы над упомянутыми произведениями «Памяти Поля Элюара» и «Очи» Целан не был знаком с «братом Осипом». Значит, аллюзии на Мандельштама при переводе раннего Целана на русский язык не уместны, однако вполне объяснимы. Уже знакомые читателю строки давали переводчикам возможность, «русифицировать», даже «умандельштамовить» Целана, сделать его тем самым более доступным для более или менее широкого круга читателей⁸.

Первой серьезной попыткой осмысления Целана стал сборник 1975 г. «Из современной австрийской поэзии» под редакцией Льва Гинзбурга и Вячеслава Куприянова. В него вошли 43 перевода стихотворений Целана (В. Топорова, Г. Ратгауза, Е. Витковского и др.)⁹ – опять же как австрийского поэта. В центре внимания переводчиков оказываются циклы «Mohn und Gedächtnis», «Niemandrose» и «Atemwende». При этом сборники позднего периода его творчества – «Fadensonnen», «Lichtzwang» и «Schneepart», практически отсутствуют¹⁰. В сборник включен, насколько мне

гами, и переводчиками, как, например, Марком Белорусцем, Анной Глазовой и Ольгой Седаковой, которые посвятили перекличке, внутренней близости двух поэтов, «братству» Осипа и Пауля множество статей и обратились к нему в своих переводах. [Глазова, 2003; 2004; Белорусец, 2004; Седакова, 2010, с. 510–513].

⁷ Кульминацией этого родства двух поэтов стал сборник «Die Niemandrose» 1963 г. – Целан его посвятил памяти Осипа Мандельштама. Такая близость сборника к русскому поэту привлекла огромное внимание русскоязычных переводчиков: у программиста «Псалом» существует около 30 переводов на русский язык.

⁸ Анна Глазова объясняет это явление также недоступностью Целановского языка: «Они [Гельдерлин и Целан] писали так, словно в каждом стихотворении язык начинается заново, как будто говорит кто-то, для кого язык – не дом, а новое пространство. Переводить Целана тяжело даже не потому, что сложно уловить синтаксис, найти соответствия в семантических конструкциях, а потому, что сложно не присвоить, не упростить и не одомашнить такую речь» (см: Способ существования. Беседа Дмитрия Дейча с Анной Глазовой (16.12.2008). URL: <http://booknik.ru/today/all/sposob-sushchestvovaniya/> (дата обращения 23.01.2019)).

⁹ Пять из них были ранее предложены в «Строки времени»: переводы Г. Громана «Памяти Поля Элюара», «Шиболет», «Очи...», «Я здесь один...» и «Фуга смерти» Л. Гинзбурга.

¹⁰ В предисловии Е. Витковский аргументирует такой дезинтерес составителей и переводчиков «упадком дарования» Целана во всех циклах после «Розы никому». [Целан, 1975, с. 5]. Хотелось бы оставить эту оценку без комментариев. Во вступительной характеристике творчества Целана делается упор на революционный настрой его произведений. Центральным и одним из лучших стихотворений Витковский называет не знаменитые «Фугу смерти» (Todesfuge) и «Псалом» (Psalm), не «Шиболет» (Schibboleth), не даже «После полудня Цирк и Цитадель» (Nachmittag mit Zirkus und Zitadelle), обращенное к Мандельштаму, а «Воедино» (In Eins), одно из немногих текстов Целана, посвященных политическим революционным событиям [Там же, с. 16]. Даже приняв во внимание интерес Целана к поэме «Двенадцать» Александра Блока, которую он довольно свободно перевел на немецкий (об этом переводе см.: [Леман, 2004, с. 254–275]), как и ряд других отдельных им

известно, первый русский перевод «Psalm», предложенный В. Топоровым. Этот вариант не воспроизводит ни смысловую многослодность, ни амбивалентный характер оригинала, о которых пойдет речь позже, – он однозначно негативен и атеистичен: «Никто нас не вылепит больше из глины, никто. / Никто не хранит наш прах. / Никто».

Вышедшую в 1988 г. антологию «Золотое сечение / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах» Лариса Найдич называет прорывом в рецепции Целана в России [Naiditsch, 2009, S. 319]. В нее вошли 30 переводов австрийского поэта Целана («В сборнике представлена широкая панорама австрийской поэзии двух веков» [Целан, 1988, с. 7]), подготовленные Марком Белорусцем, Ольгой Татариновой, Владимиром Леванским, Игорем Большевым¹¹ и др. Хотя переводчики впервые обращаются и к поздним циклам Целана, большинство переводов представляются в банализированном, ровно-мелодичном образе, наполненном не-целановскими поэтизмами и метафорами¹².

Итак, вплоть до конца 1990-х гг., русский читатель если и знаком, то скорее лишь с «оживленным» Целаном. В начале 2000-х гг. ситуация меняется: выходит двухтомник статей под редакцией Ларисы Найдич («Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания. I–II», 2004, 2007), антология переводов Марка Белорусца и Татьяны Баскаковой («Пауль Целан. Стихотворения. Проза. Письма», 2008; «Время сердца. Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана», 2016), а также переводы Лилит Жданко-Френкель «Кристалл» (2005), Ольги Седаковой (2010), Анны Глазовой «Говори и ты» (2012) и Алёши Прокопьева «Мак и память» (2017). Наблюдается новый всплеск интереса к творчеству Целана, о чем свидетельствуют не только многочисленные публикации, но и опыт по переводу и обсуждению более сложных поздних произведений. Главным препятствием на пути понимания Целана в России Татьяна Баскакова называет отсутствие перевода полного собрания сочинений, так как «[в]нутри всех его книг есть свои связи, они выстроены. [...] [Е]го стихи рассчитаны на человека, который будет читать их долго, возвращаться к ним. В таком случае он сможет понять стихи Целана, которые, на мой взгляд, следует

переведенных недогматичных и неагитаторских революционных произведений (например, «Семеро» В. Хлебникова, «Баллада о двадцати шести» С. Есенина) [Ivanović, 1996, S. 196], счесть его творчество революционным никак нельзя. Тема революции затронула Целана в наименьшей мере в форме политического вопроса, нежели вопроса, затрагивающего существование [Целан, 1975, с. 5].

¹¹ И. Большев и В. Леванский предлагают 2 варианта «Psalm».

¹² О переведенном Ольгой Татариновой стихотворении «Zähle die Mandeln», Нина Павлова пишет, что в 1-й строке, бесспорно, упомянуты имена Целана и Мандельштама (Zähle = Celan; Mandel = Mandelstamm) [Павлова, 2005, с. 301]. Но в 1952 г. при написании данного текста он не был знаком с Мандельштамом! Позже, в «Розе никому» имя Осипа Мандельштама многократно обыгрывается, становится метафорой, но не в этом стихотворении.

читать как одну книгу. Сложность заключается в том, что, раз что-то сказав, Целан считает, что это уже понятно, и в следующем стихотворении уже не объясняет»¹³.

2

Наибольшее количество русских переводов существует у знаменитой «Фуги смерти» (около 40), чуть меньше их у «Псалом» (около 30). Именно сборник «Die Niemandrose», и в частности «Psalm», вызвал бурный интерес у многих русских переводчиков и литературоведов, одной из причин является, вероятно, близость сборника к Манделштаму, которому он и посвящен. Переводческий интерес не уменьшили и комплексность текста – переплетение библейского, мистическо-каббалистического, поэтологического и антропологического пластов смысла, амбивалентное отношение к Богу, не позволяющее решить вопрос о его существовании ни положительно, ни отрицательно.

Трудно назвать количество зарубежных исследований, посвященных попытке интерпретации этого произведения, настолько они многочисленны. Однако немногие обращаются к каббалистическому пласту «Psalm»¹⁴. Как ни странно, связь данного стихотворения с Каббалой упомянута практически во всех отечественных филологических работах¹⁵. Стоит вновь отметить, что каббалистический способ прочтения является *одним* из по крайней мере трех возможных. Но поскольку как у филологов, так и у переводчиков он, по всей видимости, не остался без внимания – в дальнейшем мы покажем это на примере переводов А. Глазовой и О. Седаковой, – следует обратиться к нему еще раз.

Psalm (1961)		
1 Niemand knetet uns <u>w</u> ieder aus Erde und Lehm,	3 с. ¹⁶	13 сл.
2 niemand <i>bespricht</i> unsern Staub.		
3 Niemand.		
4 Gelobt seist du, Niemand.	5 с.	11 сл.
5 Dir <i>zulieb</i> <u>w</u> ollen		
6 <u>w</u> ir blühh.		

¹³ Трудные стихи Целана. Беседа Тамары Ляленковой с Татьяной Баскаковой (16.12.2008). URL: <http://booknik.ru/today/all/trudnye-stihi-tselana/> (дата обращения 29.01.2019).

¹⁴ Schulze (1976); Schulz (1977); Firges (1999); Fußl (2008).

¹⁵ Например, три интерпретации «Psalm»: А. Нестерова, М. Лекомцевой и Н.-Э. Заболотной, предложенные в двухтомнике «Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания», исследуют произведение именно на фоне еврейской (каббалистической) мистики.

¹⁶ с. – строк; сл. – слов.

7	Dir		
8	entgegen.		
9	Ein Nichts	5 с.	14 сл.
10	<u>w</u> aren <u>w</u> ir, sind <u>w</u> ir, <u>w</u> erden		
11	<u>w</u> ir <i>bleiben</i> , <i>blühend</i> :		
12	die Nichts-, die		
13	Niemandsrose.		
14	Mit	7 с.	20 сл.
15	dem Griffel seelenhell,		
16	dem Staubfaden himmels <u>w</u> üst,		
17	der Krone rot		
18	vom Purpur <u>w</u> ort, das <u>w</u> ir sangen		
19	über, o über		
20	dem Dorn		
	[Celan, 1963, S. 27].		

Первые три строки стихотворения отсылают нас к библейской истории сотворения человека. Однако, используя глагол *knetet* (лепит / месит), автор намеренно удаляется от ветхозаветной лексики, а глаголом *bespricht* (заговорит), ссылкой на миф о Големе¹⁷, созданном с помощью тайных заклинаний, указывает на священность и глубокое значение каждой из двадцати двух букв еврейского алфавита. В книге «Сефер Йецира», одном из старейших и главных каббалистических текстов, описывается Творение всего сущего посредством двадцати двух букв и десяти Сфирот¹⁸. На этой основе мистико-лингвистических теорий Целан, как мне кажется, создает свой собственный концепт поэтического языка, проецируя при этом каббалистическое представление о создании вселенной на немецкий язык. Его стихотворения наполнены аллюзиями на мистические источники, как прямыми цитатами, так и гематрическими шифровками, как например в «Psalm».

Комбинации букв и цифр раскрывают оппозиционную картину к лексико-семантическому уровню и свидетельствуют о непрерывной связи «Никто» и «мы» / «Ничто». Приведем пример. Буква «i», графически напоминающая цифру 1 (Бог един) и одновременно еврейскую букву йод, встречается в четырех строфах двадцать шесть раз (5 – 6 – 11 – 4); т. е. в последней, самой длинной, строфе, посвященной именно розе, цветущей вопреки «Никто», реже всего, но все же она есть. Количество «i» не слу-

¹⁷ По преданию Голем был создан из глины и через слово Шемхамфораша (имя Бога) был оживлен. Он понимал все, что ему говорили, но был нем. На его лбу стояло «emeth» (правда). При стирании первой буквы (алеф) *правда* превращается в *смерть* «meth», и Голем умирает [Scholem, 1960, S. 209–259].

¹⁸ [Sefer, 1894]. Каждая буква иврита, во-первых, является буквой, словослогающей частицей, во-вторых, она имеет цифровое значение (см. таблицу), в-третьих, она подразумевает определенный символ.

Name	Zahlenwert	Lautwert	Zeichen
Alef	1	-	א
Bet	2	b, w	ב
Gimmel	3	g, dsch	ג
Dalet	4	d	ד
He	5	h	ה
Vav	6	v, o, u	ו
Sajin	7	s	ז
Chet	8	ch	ח
Tet	9	t	ט
Jud	10	i, j	י
Kaf	20	k, ch	כ
Lamed	30	l	ל
Mem	40	m	מ
Nunn	50	n	נ
Samech	60	s	ס
Ajin	70	-	ע
Pe	80	p, f	פ
Zaddi	90	z, tz, tsch	צ
Kof	100	k, q	ק
Resch	200	r	ר
Schinn	300	sch, s	ש
Taw	400	t	ת

чайно – цифровое определение четырех священных букв JHWH (йод – хе – вав – хе) именно двадцать шесть (10 – 5 – 6 – 5). Обратим внимание и на согласные «в» и «б», чья частотность (11) вдвое превышает теоретическую частотность этих букв в немецкоязычных текстах: буква «вав» в иврите одна из немногих с двойственной ролью – она одновременно и гласная, и согласная, носит символический характер соединения Бога и человека. Это соединение подразумевает и вторая буква иврита «бэт», она может передавать два звука – [б] и [в]. Заметим, что именно в шестой (вав – шестая буква иврита) и одиннадцатой (11 букв «в» и «б»; 1 + 1 = 2 – вторая буква иврита «бэт») строках стихотворения появляется своеобразная аллитерация: «wir blühen», «wir bleiben blühend».

Заметим, что слово *роза* на иврите начинается с буквы «вав» – *vered* ורד.

«Psalm» показывает метаморфозу «мы»: из праха восстает «Роза»¹⁹. Роза в Зохаре о тринадцати лепестках, слово «Niemandrose» появляется именно в тринадцатой строке. Интересно, что и сумма цифр числа пятьдесят восемь, количества слов данного стихотворения, именно тринадцать. Иначе говоря, «мы» является розой (Ничьей или от-Никого), которая, в свою очередь, является производением / творением из букв, самим стихотворением.

Однако считать данный текст подтверждением каббалистического мифа все-таки не удастся: «Niemand», созданное Целаном имя Бога, вовсе не каббалистическая Божественная пустота Эйн-Соф, из которого появились священные буквы. «Niemand» не «*Nichts voller mystischer Fülle*» [Scholem, 1967, S. 87], о котором писал Гершом Шолем, – лексически миф о сотворении из священных букв опровергается²⁰. Ведь после Освенцима невозможно найти объяснение исторической реальности, ни один миф, ни одна

¹⁹ 13-я буква еврейского алфавита «мэм» – символ воды и метаморфозы, встречается 13 раз.

²⁰ Здесь опять же возникает оппозиция между лексическим и буквенно-цифровым уровнями, так как 16-е слово стихотворения «du» (ты), обращение к «Н/никому», вполне может быть рассмотрено как то самое «Ничто», Божественная пустота, поскольку 16-я буква иврита «айин» ם означает именно «Ничто» (см. [Нестеров, 2007, с. 253]).

доктрина не в силах оправдать допущенное Богом зло. Следовательно, ни у одной из возможностей прочтения «Psalm» нет однозначного исхода или ответа, просматриваются ограниченность и амбивалентность каждой из них. Множественность и сосуществование смыслов является отличительной чертой этого стихотворения, цикла «Niemandrose», а также и поэтики Целана. Слои смысла объединены амбивалентным отношением к Создателю, сомнением в Нем, но ни в одном стихотворении Он не отрицается категорически.

3

Передача этих границ и амбивалентность текста и являются главной сложностью при переводе «Psalm». Начинаются они с первых строк: «Niemand» может быть и грамматическим субъектом и отрицательным местоимением – отсюда можно вывести двойственный смысл: одновременно и отрицание, и утверждение вероятности его существования и возможности Творения. Но отрицание в русском языке требует и отрицания глагола – частицы «не», что с первых строк лишает стихотворение возможности амбивалентного прочтения. Подход переводчиков к этой проблеме можно разделить на 4 категории.

1. Двойное отрицание:

- **Никто** нас **не вылепит** больше из глины, никто. / Никто **не хранит** наш прах. / Никто [Топоров, 1974];
- **Никто** нас **не лепит** вновь из глины. / Никто наш прах **не осудит**. / Никто (Леванский, см. [Целан, 1988, с. 712]);
- **Никто не вылепит** нас вновь из земли и глины. / Никто **не станет хранить** наш прах. / Никто (Большев, см. [Целан, 1988, с. 495]);
- **Никто не замесит** нас вновь из земли и глины, / никто **не прославит** наш прах. / Никто (Ратгауз, 1990, цит. по: [Мавлевич, 1999]);
- **Никто не замесит** нас вновь из глины и праха, / никто **не заговорит** сосуд. / Никто (Морейно, 1999, цит. по: [Мавлевич, 1999]).

2. Структура вопроса-ответа (отказ от двойного отрицания):

- **Кто лепит** нас вновь из земли и глины? **Никто. Кто слово свое проносит** над нашей перстью? / **Никто** [Гринберг, 1996, с. 207];
- **Кто** нас **вылепит** снова из земли и из глины – **никто**, / **отпоёт** наш прах. / **Никто** [Глазова, 2004; Целан, 2012];
- **Кто вылепит** нас снова из земли и глины, **кто заговорит** наш прах – **никто**. / Никто [Белорусец, 2004, с. 125].

3. Отказ от отрицания:

- **Никто слепит** нас опять из земли и глины, / **Никто заговорит** наш прах [Зейферт, 2017].

4. Смешанная форма отрицания:

- **Некому** *замесить* нас опять из земли и глины, / *некому* *заклясть* наш прах. / Некому. [...] Слава тебе, **Никто**. [...] **Никому**-роза [Седакова, 2010, с. 483];

- **Никто** нас (**не**) *станет* снова лепить из земли и глины, / **никто** (**не**) *захочет* снова наш прах *заклясть*. [...] [Прокопьев, б. д.].

Наибольшее количество проанализированных текстов пошло путем двойного отрицания, чем усложнили возможность амбивалентного прочтения, по крайней мере в первых 3-х строках. Во всех 4-х категориях не наблюдается единогласия при адаптации предикатов стихотворения: если еще при переводе первого предиката *kneten* практически все переводчики предлагают «лепить / вылепить» (лишь Ратгауз и Седакова выбирают «замесить»), то начиная со второго *besprechen* мнения категорически расходятся. Варианты «прославить» (Ратгауз), «произносить слово над перстью» (Гринберг), «сказать» (Белорусец) делают ударение на *слове*, на действительности слова, т. е. остаются в семантическом поле оригинала, но используя при этом религиозно-церковную лексику, которую оригинал сознательно избегает; варианты «хранить» (Топоров, Большев), «осудить» (Леванский), «воскресить» (Куприянов), «отпеть» (Глазова) так или иначе подразумевают компонент *sprechen*, но отдалены семантически от оригинала. Эквиваленты «заклясть» (Седакова) и «заговорить» (Морейно), относящиеся к лексическому полю магии и мистики, воспроизводят аллюзию на каббалистический миф о Големе, тем самым являются наиболее точными по отношению к оригиналу. Марк Гринберг и Анна Глазова в отличие от своих коллег, которые единогласно перевели «Dir / entgegen» в конце второй строфы как «тебе навстречу», предлагают варианты «Тебе / в ответ» и «Прямо напротив / тебя». Гринберг подчеркивает своим переводом диалогичность «Псалома» и фокусирует при этом и понимание стихотворения Целана как диалога, Глазова же делает упор на «gegen» – «Прямо напротив / тебя», адаптируя при этом и приближение «мы» к «Никто» (напротив – навстречу) и отдаление (против – вопреки).

Различаются также переводы неологизма «Niemandrose». При переводе данного слова с семантикой отрицания авторы прибегали как к калькированию, так и к описательным эквивалентам – Леванский и Морейно описывают неологизм как «Ничто, / дикая роза»; «как дикая роза». При этом неологизм часто делится на равные части, как например у Большева – «Роза-Никто, Роза- / Ничто»; большинство переводчиков прибегает к дательному падежу, подразумевая наличие адресата: «ничем; розой *никому*, розой / *никому*» (Топоров); «розой-Ничто, розой- / *Никому* (Белорусец); «Из Ничего- / *Никому*-роза (Седакова); «ничем- / *Никому*-розой» (Куприянов); «ничему, *никому* роза» (Глазова). Вероятно, как пишет переводчик и литературовед А. Нестеров [2007, с. 251], «филологическое» мышление, привязанное к сюжету «Целан, переводящий Мандельштама», склонно видеть в названии сборника «Die Niemandrose» (буквально «Роза ничья»)

парафразу на мандельштамовские строки: «Веневитинову – розу. / Ну, а перстень – никому». Гринберг опять же подчеркивает диалог мы с «Никто» обращением «роза ничто, роза твоя, *Никто*»²¹.

Предлагаю рассмотреть варианты «Псалома» Анны Глазовой и Ольги Седаковой, в которых адаптированы сразу несколько способов прочтения: поэтологический, антропологический, а также каббалистический.

4

Переводить – это ведь как следовать религиозному закону или ритуалу. Если у автора написано «воткни вилку в землю три раза, а потом вымой в стоячей воде», то так я и сделаю. Только по-русски и по-своему. Оригинальность тут только в том, чтобы приблизить перевод к языку оригинала. Целан для меня закон, а моя задача как переводчика не объяснять закон, а ему следовать (Способ существования. Беседа Дмитрия Дейча с Анной Глазовой (16.12.2008). URL: [http:// booknik.ru/today/all/sposob-sushchestvovaniya/](http://booknik.ru/today/all/sposob-sushchestvovaniya/) (дата обращения 23.01.2019)).

То, что Анна Глазова следует «закону-оригиналу», достаточно четко просматривается в ее варианте «Псалома». Перевод Глазовой, как и Марка Гринберга, в 1996 г.²² первым представившим свой вариант перевода,

---

²¹ Ю. Холманских [2013] обращается к различным категориям перевода данного неологизма.

²² Гринберг [1996]:

Псалом
Кто лепит нас вновь из земли и глины? Никто.
Кто слово свое произносит над нашей перстью?
Никто.
Славься, Никто.
Ради тебя мы
цветем.
Тебе
в ответ.
Ничто –
вот чем были мы, чем
пребываем, чем будем, цветя:
роза ничто, роза
твоя, Никто.
Роза,
чей пестик светится светом души,
тычинка пуста пустотой небес,
венчик ал
от багряного слова, пропетого нами
над – о, над
шипом.

Перевод Анны Глазовой (2004)

Psaln	Псалом
<p>1 Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, 2 niemand bespricht unsern Staub. 3 Niemand.</p>	<p>1 Кто нас вылепит снова из земли и из глины – никто, 2 <i>оттоёт</i> наш прах. 3 Никто.</p>
<p>4 Gelobt seist du, Niemand. 5 Dir zulieb wollen 6 wir blühn. 7 Dir 8 entgegen.</p>	<p>4 <i>Хвала</i> тебе наша, никто. 5 Для тебя мы 6 <u>станем цвести</u>. 7 Прямо <i>напротив</i> 8 тебя.</p>
<p>9 Ein Nichts 10 waren wir, sind wir, werden 11 wir bleiben, blühend: 12 die Nichts-, die 13 Niemandrose.</p>	<p>9 Ничто 10 были, есть мы и будем, 11 и <u>будем цвести</u>: 12 ничему, ни- 13 кому роза.</p>
<p>14 Mit 15 dem Griffel seelenhell, 16 dem Staubfäden himmelswüst, 17 der Krone rot 18 vom Purpurwort, das wir sangen 19 über, o über 20 dem Dorn.</p>	<p>14 С 15 пестиком души светлей, 16 и пустынною тычинкой, 17 с венчиком багровым 18 от пурпурного слова, слово мы пели 19 над, о над 20 тёрном [Целан, 2012, с. 49].</p>

в котором, не прибегая к двойному отрицанию, а используя структуру диалога, с первых строк предлагает возможность амбивалентного прочтения.

Вариация написания «никто» со строчной буквы в первой, четвертой и двенадцатой строках и с прописной в третьей, а также вопрос без вопросительного знака «Кто» подразумевают сомнение «мы», выраженное в выборе лексемы *хвала*, скорее всего этимологически связанной с антонимом *хула*. В сборнике переводов Целана в журнале «Топос» следующим после «Псалом» переводчица предлагает свой вариант стихотворения «...rauscht der Brunnen» (1961) («...шорох колодца»), в котором используется лексема *хула*. Произведения, рожденные молчанием, описываются как «острые лезвия», здесь тесно переплетаются и молитва, и хула²³.

Возможно, позиционируя «...шорох колодца» сразу за «Псалом», – иначе, чем в оригинальном сборнике «Niemandsgese» (в нем эти тексты разделены шестью стихотворениями и двумя разными микроциклами), Анна Глазова указывает на двойственную близость слов *хвала* и *хула*, тем самым и подчеркивая амбивалентный характер «Псалом».

Замена предиката *besprechen* – «отпевать» во многом отличается от переводов коллег. Хотя эта лексема и относится к церковно-религиозному контексту, подразумевает она не Бога, а человека, человечество, не отпевающее умерших. Это решение делает переход от Божественного к человеческому, усиливает скорбь о бесчисленных смертях, о невозможности отпеть всех варварски убитых. Аллюзия на «отпевание» встречается и в конце стихотворения в прошедшем времени – «от пурпурного слова, слово мы пели» → «отпели». Песня оригинала, обнажающая пение как исток поэзии («der Krone rot / vom Purpurwort, das wir sangen / über, o über / dem Dorn») в облике пропетого «о», становится здесь отпеванием умерших: «о» последней строфы – это и стон умерших, и стон страдающих («С / пестиком души светлей, / и пустынную тычинкой, / с венчиком багровым / от пурпурного слова, слово мы пели / над, o над / тёрном»). Следуя за Целаном, Глазова наделяет их голосом, возможностью остаться в памяти через стихотворение. Повторение глагола *отпевать* первой строфы в четвертой части в форме «от-пели» замыкает перевод в своеоб-

²³ ...шорох колодца

Как молитва, как хула, как
молитва острые лезвия
моего
молчания.

Слова мои, вместе со
мною калечимые, мои
прямые [...]

Глазова [2004].

разный тематический и временной круг: перевод «Псалом» воспроизводит временную цикличность десятой строки «*wagen, sind, werden*» не только способом «были, есть, будем», но и глаголом *отпеть*: во второй строке в будущем времени *отпоет* и в восемнадцатой в прошедшем *отпели*. А сам акт отпевания в настоящем времени, как мне кажется, и есть само стихотворение.

Здесь воспроизводится лейтмотив памяти об умерших и погибших в результате геноцида. Тем самым переводчица одновременно усиливает как антропологический, так и поэтологический пласт «Psalm». От имени уничтоженных людей Целан говорит в своих стихотворениях, употребляя местоимение «мы», как бы воскрешая, давая слово тем, от кого ничего не осталось. При этом Глазовой удается воспроизвести и каббалистическую возможность прочтения, ведь «мы» – стихотворение, создание из букв – и есть способ коэкзистенции с ушедшими, возможность отпевания: порез в Тринадцатой строке «Псалом»: «ничему, *ни-* / кому роза» символизирует разорванность и поиск: кому роза? Хотя в оригинале «надлом» происходит именно в этой строке посреди слова, ни один перевод, кроме перевода Глазовой, не воспроизводит этот момент. Более удивительно количество слов данного текста, оно равно количеству слов оригинала, пятьдесят восемь (в сумме $5 + 8 = 13$)! Из материала букв, слов создается роза о тринадцати лепестках, текст-отпевание. Оборванной строкой «ничему, *ни-*» к тому же подчеркивается как раз то непостижимое предвечное «Ничто», полнота и бесконечность Божественного. Следуя буквенно-числовому кодированию оригинала, Глазова, в отличие от коллег, конструирует шестую и одиннадцатую строки практически идентично: «станем цвести» и «будем цвести». Напомним, что в шестой и одиннадцатой строках у Целана появляется проектированная с иврита аллитерация «в» и «б»: «*wir blühen*», «*wir bleiben blühend*», показывая неделимую связь «Розы» и «Никто». Переводчица также учла количество согласных «в»: их ровно одиннадцать, как в «законе-оригинале».

Перевод Ольги Седаковой (1999 /2010)

Псалом (1999)	Псалом (2010)
1 Некому замесить нас опять из земли и глины, 2 некому заклясть наш прах. 3 Некому.	Некому вновь замесить нас из персти и глины, Некому заклясть наш прах. Некому.
4 Слава тебе, Никто. 5 Ради тебя мы хотим 6 цвести.	Слава тебе, Никто. Ради тебя мы хотим цвести.

7 Тебе 8 навстречу.	Тебе навстречу.
9 Ничем 10 были мы, останемся, будем 11 и впредь, расцветая: 12 Из Ничего – 13 Никому-роза.	Ничто были мы, и есть, и будем и останемся, расцветая: Ничего – Никому-роза.
14 Вот 15 пестик ее сердечно-святой 16 тычинки небесно-пустые 17 красный венец 18 из пурпурного слова, которое мы пропели 19 поверх, о, поверх 20 терний (цит по: [Мавлевич, 1999])	С ее пестиком светлосердечным тычинками небеснопустыми с красным венцом пурпура-слова, которое мы пели поверх, о, поверх терний [Седакова, 2010, с. 483]

Переводы Ольги Седаковой, которая познакомилась с Целаном, а именно с «Psalm», уже в 70-х гг. (см. [Седакова, 2010, с. 522]), включают в себя как элементы адаптации, так и элементы ее собственного поэтического творчества. Формально и лингвистически ее переводы редко отклоняются от оригинала, они кажутся точными слово в слово, а в случае с «Псалом» еще и буква в букву. При этом она трансформирует смысл оригинала и дает не только в косвенном, но и в прямом смысле ответ исходному тексту. Ее первый перевод «Псалом» 1999 г. одновременно на нескольких уровнях отличается от переводов, вышедших до и после него. Хочется сразу отметить три самых значительных эквивалентных лексемы «Некому», «заклясть» и «красный венец».

Решение перевести «Niemand» как «Некому» позволяет уйти от двойного отрицания, при этом текст одновременно и приближается к оригиналу и расширяет возможность каббалистического прочтения «Псалом», поскольку не имеет позитивного эквивалента, как, например, в немецком «Niemand» – «Jemand». Подразумевается мистическая пустота, о которой писал Гершом Шолем. Как и в «Фуге смерти», где Седакова предлагает для «Mann» и «господин», и «человек», в «Псаломе» присутствуют и «Некому» и «Никто», сохраняя тем самым близость и параллельность между «Niemand» (никто) и «Nichts» (ничто). «Некому» – единственное отрицательное местоимение, а также вообще одно из немногих слов русского языка без формы в именительном падеже. Это переводческое решение указывает и на глобальную пустоту, на отчаяность «мы», и на сакраль-

ность имени Бога, невозможность познания / понимания его Всесилы. Как подчеркивает Седакова, Целан часто обращается к непроизносимости Священного Имени в своих произведениях²⁴.

За год до появления «Psalm», 30 января 1960 г., Целан покупает книгу «Vom Judentum: ein Sammelbuch / herausgegeben vom Verein jüdischer Hochschüler Bar Kochba in Prag» («Об иудаизме: сборник»), которая, как он говорит позже, может стать ключом к его стихотворениям. В ней он отметил всего одну статью, написанную другом Франца Кафки Хуго Бергманном: «Die Heiligung des Namens» («Освящение имени») и над ее первой строкой: «Darum haltet meine Gebote und tut danach; ich bin der HERR. Entweiht nicht meinen heiligen Namen, damit ich geheiligt werde unter den Israeliten; ich bin der HERR, der euch heiligt [...] (3. Mose 22: 31,32)»²⁵ на месте четырех священных букв JHWH или HERR он записал лишь непроизносимые три точки. Знала ли Ольга Седакова об этом биографическом отрывке, неизвестно, да и не важно – своим переводческим решением «Некому» она переступает границу одного стихотворения и указывает тем самым на поэтику автора. Кроме того, она адаптирует в варианте 1999 г. чередование в оригинале прописной и строчной буквы при написании «н / Некому», однако в варианте 2010 г. «Некому» встречается только с прописной «Н», меняя сомнения оригинала в подтверждении теофании²⁶.

²⁴ «У Целана все слова как будто граничат с тем Именем, которое запрещено произносить всуе.

Sehen (видеть):

Es sieht, denn es hat Augen –
Глядит, ведь оно с глазами;

Graben (рыть):

Es war Erde in ihnen, und
sie gruben –
Земля была в них, и
они рыли.

Все слова, но особенно – заметим сразу – глаголы, как в приведенных стихах. Странное волнение, сопровождающее эти простые слова – «видеть», «рыть» в личной форме третьего лица, говорит нам о том, что здесь происходит нечто чрезвычайное, преступается какой-то запрет, оглашается тайна. Быть может, поэтому Целан так любил Мандельштама, которого отличала та же словобоязнь, трепет перед названием вещей по имени» [Седакова, 2010, с. 522].

²⁵ Лев. 22:31,32: «И соблюдайте заповеди Мои и исполняйте их. Я Господь. Не бесчестите святого имени Моего, чтоб Я был святым среди сынов Израилевых. Я Господь, освящающий вас [...]».

²⁶ См.: «[...] сложность [Целана] и его темнота, по существу, позитивны, это мир, в котором нет демонов, не предполагается никакой “злой силы” вроде сатаны. Трудность и неоднозначность тут другой природы: неясный, непроясняемый, не-

В оригинале модифицируется Бытие посредством лексем «himmelswüst» и «über, o über / dem Dorn»²⁷: Здесь не земля – пусто и безвидно небо, не Дух Божий, а «Мы» «над» шипом. Седакова при переводе Целана очень точно воспроизводит цитаты из Библии, однако в «Псаломе» она отказывается от потенциальной блатфемии: на месте ожидаемого «над, о над» из Бытия, Седакова переводит «поверх, о поверх», уклоняясь от негативной модификации. При этом также усиливается аллитерация «п», символа расцвета, расцвета «розы» в непрерывном соединении с Творцом.

Параллельно с позитивно-перемещенным пластом Ветхого Завета также развит и мистическо-каббалистический: переводом глагола *besprechen* как «заклинать» Седакова отсылает, в точности как и оригинал, к мифу о Големе. Переводчица хотя и уверена, что Целан не подсчитывал буквы и не шифровал тексты²⁸, тщательно подсчитала и переняла в первом варианте перевода и количество согласных букв «в» (11) и «м» (13), и количество слов первой (13) и последней (20) строф. Что это совпадение не случайно, можно понять на примере буквы «в». Изменения и замена слов во втором варианте перевода так или иначе сохраняет количество этого согласного:

1. опять → 2. вновь (+2); 1. впредь → 2. останемся (-1); 1. вот →
2. с ее (-1)

Возможность каббалистического прочтения усиливает и эквивалент лексемы *Krone* «венец», так как Кетер – корона 10 Сфирот по-русски часто называется венцом²⁹. Количество строк оригинала, как и перевода, – 20-числовое определение буквы «каф», с которой и начинается слово *Keter*. Другие переводчики прибегают к ботаническому «венчик» (Глазова, Белорусец), раз встречается «корона» (Куприянов), исключая при этом множественные варианты интерпретации. «Венец» может быть и Кетер, и сам человек – венец творения, возможна, конечно, и ассоциация с терновым венцом: «И воины, сплетши *венец* из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу [...]» (Ин. 19:2), который встречается и в последней строке (Dorn – терний).

Многочисленные публикации переводов, среди которых более двадцати вариантов «Psalm», появившихся с середины 1990-х гг., несомненно, свидетельствуют о непрерывно растущем интересе к творчеству и судьбе

проницаемый образ Творца, ужас Его – сакральный ужас, но как будто вне дуализма света и тьмы, ангельского и демонического» [Седакова, 2010, с. 483].

²⁷ «Die Erde aber war wüst und wirr, Finsternis lag über der Urflut und Gottes Geist schwebte über dem Wasser» (Gen. 1,2) – «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт 1:1,2).

²⁸ Ср. [Седакова, 2010, с. 522].

²⁹ Книга Зоар [2016, с. 80].

Пауля Целана в России. На основе углубленного анализа двух переводов мы рассмотрели как комплектность и амбивалентность оригинала, так и возникающие в связи с ними трудности при переводе на русский язык. Анне Глазовой удалось адаптировать многочисленность смысловых пластов оригинала – здесь присутствует и мистико-каббалистический³⁰, и поэтологический, а также усиливается антропологический пласт, затрагивающий самого Целана, пережившего варварство Холокоста. Кроме того, Глазова включает в свой перевод вопросом-невопросом «Кто» и поэтологические размышления автора о стихотворении-диалоге, направленном к другому «я». Ольга Седакова воспроизводит в своем переводе как поэтологический, так и мистико-каббалистический способ прочтения. При этом ее текст не адаптирует возможности негативного ветхозаветного прочтения, в отличие от оригинала, он установлен на возможность теофании, и его стоит счесть ответом на сомнения, колебания «Psalm».

Список литературы

Белорусец М. Целан и Мандельштам. Диалоги // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. Т. 1: Диалоги и переключки. С. 164–176.

Дубин Б. Пауль Целан: Портрет в зеркалах // Иностранная литература. 1996. № 12. С. 184–211.

Глазова А. Воздушно-каменный кристалл. Целан и Мандельштам // НЛО. 2003. № 63. С. 83–100.

Глазова А. ...шорох колодца // Топос. 21.09.2004. URL: <http://www.topos.ru/article/2784> (дата обращения 21.01.2019).

Гринберг М. Псалом // Иностранная литература. 1996. № 12. С. 207.

Зейферт Е. Псалом // Греческий дух латинской буквы. Книга лирики. М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2017. С. 106.

Идель М. «Псалом» Пауля Целана: откровение, ведущее в Ничто // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. Т. 1: Диалоги и переключки. С. 307–316.

Книга Зоар. С комментарием «Сулам» / Под ред. М. Лайтмана. Израиль: Laitman Kabbalah Publishers, 2016.

Леман Ю. Язык – обогащенный катастрофами. Целановский перевод «Двенадцати» А. Блока / Пер. с нем. Т. Баскаковой // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты

³⁰ Об этом также свидетельствует ее работа «Paul Celan's Improper Names», в которой она рассматривает каббалистический пласт многочисленных стихотворений Целана [Glazova, 2014].

культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. Т. 1: Диалоги и переклички. С. 254–275.

Литературный гид. Роза-Никому: поэзия Пауля Целана // Иностранная литература. 2005. № 4. С. 203–264.

Мавлевич Н. Пауль Целан. «Псалом». Переводы с немецкого. Вступление Н. Мавлевич // Иностранная литература. 1999. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/12/celan-pr.html> (дата обращения 23.01.2019).

Нестеров А. «Псалом» и «Окно хижины» Пауля Целана на фоне еврейской традиции // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. Т. 2: Комментарии и мемуары. С. 250–263.

Павлова Н. Природа реальности в австрийской литературе. М: Языки славянской культуры, 2005.

Прокопьев А. Псалом. URL: <https://www.lyrikline.org/de/gedichte/psalm-161> (дата обращения 23.01.2019).

Седакова О. Собр. соч.: В 4 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. Т. 2: Переводы.

Топоров В. Псалом // Иностранная литература. 1974. № 5. С. 110.

Холманских Ю. Анализ переводческих стратегий при отображении знаков с семантикой отрицания (на материале метафизической поэзии П. Целана). 2013. URL: <http://udmurt.conf.udsu.ru/files/assets/1299428700> (дата обращения 23.01.2019).

Целан П. Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина / Сост. И. Фрадкин, под ред. А. Исаева, коммент. Г. Громана. М.: ЦК ВЛКСМ, 1967. С. 14–17.

Целан П. Из современной австрийской поэзии / Сост. Л. Гинзбург, предисл. Е. Витковского, под ред. А. Големба. М.: Прогресс, 1975. С. 217–279.

Целан П. Золотое сечение / Der goldene Schnitt // Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах / Сост. В. Вебер, Д. Давлианидзе. М.: Радуга, 1988.

Целан П. Псалом // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / Под ред. М. Белорусца. М.: Ад Маргинем Пресс, 2008. С. 125.

Целан П. Псалом // Говори и ты / Сост., пер. с нем., коммент. А. Глазовой. New York: Ailuros Publishing, 2012. С. 49.

Шталь Х. Стихотворение П. Целана «Мандорла» в польских и русских переводах / Ред. Куми Татэока, Валерий Гречко, Юика Китамура. Белград: Логос, 2016. С. 54–80.

Broda M. “An Niemand gerichtet”. Paul Celan als Leser von Mandelstamms “Gegenüber”. In: Hamacher W., Menninghaus, W. (Hrsg.). Paul Celan. Frankfurt a. M., 1988. S. 209–221.

Celan P. Die Niemandrose. Frankfurt a. M., 1963.

Fußl I. Geschenke an Aufmerksame. In: Hebräische Intertextualität und mystische Weltauffassung in der Lyrik Paul Celans. Tübingen, 2008.

Glazova A. Counter-Quotation: The Defiance of Poetic Tradition in Paul Celan and Osip Mandelstam. Proquest: Umi Dissertation Publishing, 2011.

Glazova A. Paul Celan's Improper Names // From Messianic Thought Outside Theology, ed. Anna Glazova and Paul North. New York: Fordham UP, 2014. P. 136–154.

Ivanovic Ch. Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung: Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren (Studien zur deutschen Literatur, Band 141). Tübingen, 1996.

Naiditsch L. Rezeption in Russland. In: Celan-Jahrbuch 9. Heidelberg, 2009. S. 317–328.

Scholem G. Zur Kabbala und ihrer Symbolik. Zürich, 1960.

Schulz G.-M. Negativität in der Dichtung Paul Celans. Tübingen, 1977.

Schulze J. Celan und die Mystiker. Motivtypologische und quellenkundliche Kommentare. Bonn, 1976.

Sefer J. Das Buch der Schöpfung. Übers. und hrsg. von Lazarus Goldschmidt. Frankfurt a. M., 1894. [Nachdruck Hamburg, 2004].

Wiedemann B. Paul Celan. Die Gedichte. Kommentierte Gesamtausgabe. Frankfurt a. M., 2003.

Article metadata

Title: “Psalm” by P. Celan: Analysis and Translations into Russian

Author: A. Tretiakova

Author's e-mail: tretakov@uni-trier.de

Author's affiliation: Trier University

Abstract. My paper focuses on the analysis of Paul Celan's poetry translation into Russian. The first part gives a brief chronology of translations (1960s – 2010s), which will consider early texts often made in close proximity to some of Osip Mandelstam's poems. In the second part, my article analyses the poem “Psalm” focusing on the semantic potential of the number and letter combinations. Furthermore, it investigates two of its Russian translation-variants and identifies the main strategies used by translators to recreate the ambivalence of Celan's texts.

Key terms: P. Celan, “Psalm” translation, O. Sedakova, A. Glazova.

Reference literature (in transliteration):

Belorusets M. Celan i Mandelstam. Dialogi. In: Naidich L. (ed.). Paul Celan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. Moscow, Mosty kultury Publ.; Jerusalem, Hesharim Publ., 2004, vol. 1: Dialogi i pereklichki, p. 164–176. (in Russ.)

Broda M. “An Niemand gerichtet”. Paul Celan als Leser von Mandelstamms “Gegenüber”. In: Hamacher W., Menninghaus, W. (Hrsg.). Paul Celan. Frankfurt a. M., 1988. S. 209–221.

Celan P. Die Niemandrose. Frankfurt a. M., 1963.

Celan P. Iz sovremennoy avstriyskoy poezii. Comp. by L. Ginzburg, intr. by E. Vitkovskiy, ed. by A. Golemb. Moscow, Progress Publ., 1975, p. 217–279. (in Russ.)

Celan P. Psalom. In: Celan P. Stikhotvoreniya. Proza. Pisma. Ed. by M. Belorusets. Moscow, Ad Marginem Press., 2008, p. 125. (in Russ.)

Celan P. Psalom. In: Govori i ty. Comp., transl. from Germ., comment. by A. Glazova. New York, Ailuros Publ., 2012, p. 49. (in Russ.)

Celan P. Stroki vremeni. Molodye poety FRG, Avstrii, Shveysarii, Zapadnogo Berlina. Comp. by I. Fradkin, ed. by A. Isaev, comment. by G. Groman. Moscow, 1967, p. 14–17. (in Russ.)

Celan P. Zolotoe sechenie / Der goldene Schnitt. Avstriyskaya poeziya 19–20 vekov v russkikh perevodakh. Comp. by V. Veber, D. Davlianidze. Moscow, Raduga Publ., 1988. (in Russ.)

Dubin B. Paul Celan: portret v zerkalakh. *Inostrannaya literatura*, 1996, no. 12, p. 184–211. (in Russ.)

Fußl I. Geschenke an Aufmerksame. In: Hebräische Intertextualität und mystische Weltauffassung in der Lyrik Paul Celans. Tübingen, 2008.

Glazova A. ...shorokh kolodtsa. *Topos*, 21.09.2004. URL: <http://www.topos.ru/article/2784> (accessed 21.01.2019). (in Russ.)

Glazova A. Counter-Quotation: The Defiance of Poetic Tradition in Paul Celan and Osip Mandelstam. Proquest: Umi Dissertation Publishing, 2011.

Glazova A. Paul Celan’s Improper Names // From Messianic Thought Outside Theology, ed. Anna Glazova and Paul North. New York: Fordham UP, 2014. P. 136–154.

Glazova A. Vozdushno-kamennyi kristall. Celan i Mandelstam. *NLO*, 2003, no. 63, p. 83–100. (in Russ.)

Grinberg M. Psalm. *Inostrannaya literatura*, 1996, no. 12, p. 207. (in Russ.)

Idel M. “Psalm” Paulya Celana: otkrovenie, vedushchee v Nichto. In: Naidich L. (ed.). Paul Celan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. Moscow, Mosty kultury Publ.,; Jerusalem, Hesharim Publ., 2004, vol. 1: Dialogi i pereklichki, p. 307–316. (in Russ.)

Ivanovic Ch. Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung: Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren (Studien zur deutschen Literatur, Band 141). Tübingen, 1996.

Kholmanskikh Yu. Analiz perevodcheskikh strategij pri otobrazhenii zankov s semantikoj otritsaniya (na materiale metafizicheskoy poezii P. Celana). 2013. URL: <http://udmurt.conf.udsu.ru/files/assets/1299428700> (accessed 23.01.2019).

Kniga Zoar. S kommentariem “Sulam”. Ed. by M. Laitman. Israel, Laitman Kabbalah Publishers, 2016. (in Russ.)

Leman Yu. Yazyk, obogashchenny katastrofami. Celanovsky perevod "Dvenadtsati" A. Bloka. Transl. from Germ. by T. Baskakova. In: Naidich L. (ed.). Paul Celan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. Moscow, Mosty kultury Publ.; Jerusalem, Hesharim Publ., 2004, vol. 1: Dialogi i pereklichki, p. 254–275. (in Russ.)

Literaturny gid. Roza-Nikomu: poeziya Paulya Celana. *Inostrannaya literatura*, 2005, no. 4, p. 203–264. (in Russ.)

Mavlevich N. Paul Celan. "Psalm". Perevody s nemetskogo. *Inostrannaya literatura*, 1999, no. 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/12/celan-pr.html> (accessed 23.01.2019). (in Russ.)

Naiditsch L. Rezeption in Russland. In: Celan-Jahrbuch 9. Heidelberg, 2009. S. 317–328.

Nesterov A. "Psalom" i "Okno khizhiny" Paulya Celana na fone evreiskoy traditsii. In: Naidich L. (ed.). Paul Celan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. Moscow, Mosty kultury Publ.; Jerusalem, Hesharim Publ., 2004, vol. 2: Kommentarii i memuary, p. 250–263. (in Russ.)

Pavlova N. Priroda realnosti v avstriyskoy literature. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2005. (in Russ.)

Prokopiev A. Psalom. URL: <https://www.lyrikline.org/de/gedichte/psalm-161> (accessed 23.01.2019). (in Russ.)

Scholem G. Zur Kabbala und ihrer Symbolik. Zürich, 1960.

Schulz G.-M. Negativität in der Dichtung Paul Celans. Tübingen, 1977.

Schulze J. Celan und die Mystiker. Motivtypologische und quellenkundliche Kommentare. Bonn, 1976.

Sedakova O. Sobranie sochineniy. In 4 vols. Moscow, Dmitry Pozharsky University, 2010, vol. 2. (in Russ.)

Sefer J. Das Buch der Schöpfung. Übers. und hrsg. von Lazarus Goldschmidt. Frankfurt a. M., 1894. [Nachdruck Hamburg, 2004].

Stahl H. Stikhotvorenije P. Celana "Mandorla" v polskikh i russkikh perevodakh. Eds. Kumi Tateoka, V. Grechko, Yuika Kitamura. Belgrad, Logos, 2016, p. 54–80. (in Russ.)

Toporov V. Psalom. *Inostrannaya literatura*, 1974, no. 5, p. 110. (in Russ.)

Wiedemann B. Paul Celan. Die Gedichte. Kommentierte Gesamtausgabe. Frankfurt a. M., 2003.

Zeifert E. Psalm. In: Grecheskiy dukh latinskoi bukvy. Kniga liriki. Moscow, Russkiy Guliver Publ., 2017, p. 106. (in Russ.)